

УДК 316.334.3

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ УЯЗВИМОСТИ ЛИЦ С ОСОБЫМИ НУЖДАМИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОЧНО- КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.В. Карачева

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: streles1979@mail.ru*

Предметом исследования выступают условия для развития системы учреждений социального обслуживания лиц с особыми нуждами в Восточно-Казахстанской области. Научная новизна полученных в исследовании результатов заключается в том, что дана характеристика социальному положению лиц с особыми нуждами, что позволяет разработать меры на республиканском, областном и местном уровне, направленные на повышение социального статуса лиц с особыми нуждами в обществе и реализацию их потребностей. Определено, что социальная система должна работать по вопросам институционализации в полном объеме и ориентироваться не только на процесс, но и на результат. Разработанные рекомендации по совершенствованию социального обслуживания лиц с особыми нуждами в социальном пространстве Восточно-Казахстанской области будут способствовать улучшению условий для реализации потребностей и интересов лиц с особыми нуждами, повышению уровня организации управления всеми социальными процессами в современном обществе, привлечению внимания к работе с кадрами управления, в т.ч. в учреждениях социальной сферы.

Ключевые слова: институционализация, социальное обслуживание, социальные институты, медико-социальные учреждения, специальные социальные услуги, опекаемые, лица с особыми нуждами, реабилитационные мероприятия, консультативная помощь.

THE INSTITUTIONALIZATION OF SOCIAL SERVICES AS A FACTOR OF PERSONS WITH SPECIAL NEEDS' VULNERABILITY REDUCTION IN THE SOCIAL SPACE OF THE EAST KAZAKHSTAN REGION

T.V. Karacheva

Altai State University, Barnaul, Russia, e-mail: streles1979@mail.ru

The subject of the study is the analysis of conditions for the development of a system of social services for persons with special needs in the East Kazakhstan region. The scientific novelty of the results obtained in the study is that the characteristics of the social status of persons with special needs are given, which makes it possible to develop measures at the republican, provincial and local levels aimed at raising the social status of persons with special needs in society and of course the realizing their needs. It was found that the social system should work on the issues of institutionalization in full and should focus not only on the process, but also on the result. The developed recommendations on improving the institutionalization of social services for persons with special needs in the social space of the East Kazakhstan region will help improve the conditions for the realization of the needs and interests of persons with special needs, improve the management of all social processes in modern society, draw attention to work with management personnel, including in social institutions.

Keywords: *institutionalization, social services, social institutions, medical and social institutions, special social services, carriers, persons with special needs, rehabilitation activities, counseling.*

Введение

Проблема институционализации социального обслуживания лиц с особыми нуждами является целостной системой, включающей многообразие возможных взаимосвязей — законодательных (правовых), демографических, медицинских, социальных, экономических и др. Это процесс формирования, разработки, введения в действие новых законов, формальных и неформальных правил, механизмов разрешения конфликтов, а также принуждения к исполнению их предписаний всеми участниками совместной деятельности в рамках формирующейся системы, направленный на удовлетворение потребностей лиц с особыми нуждами.

При этом основными факторами институционализации социального обслуживания лиц с особыми нуждами выделяются: во-первых, все многообразие возможных взаимосвязей законодательных (правовых), демографических, медицинских, социальных, экономических и других аспектов жизнедеятельности лиц с особыми нуждами; во-вторых, процессы социальной интеграции, дневной занятости, развитие потенциала проживающих лиц, особенно из числа молодых лиц с особыми нуждами; в-третьих, факторы подготовки, повышения квалификации всего персонала осуществляющего институционализацию социального обслуживания лиц с особыми нуждами: медицинского, в т.ч. узкоспециализированного, социального работника, психолога, юриста, экономиста (Приступа, 2017). Только такой подход рассмотрения всех факторов в рамках целостной системы позволяет решить вопросы институционализации социального обслуживания лиц с особыми нуждами.

В решении данных вопросов социальная система должна работать в полном объеме и ориентироваться не на процесс, а на результат.

Пожилые люди и инвалиды являются социально-незащищенными категориями общества. Для оказания услуг проживания и ухода за ними созданы дома-интернаты или медико-социальные учреждения общего типа, которые являются той средой, в которой эти люди живут долгие годы (Джамбурбаева, 2010). От организации жизни учреждения, его персонала, размещения, вместимости, расположения, планировки, обстановки, от организации занятости и досуга, социально-медицинской помощи, степени контактов живущих с внешним миром зависит качество жизни, состояние физического и психологического здоровья.

Говоря об общем социальном законодательстве, можно сделать выводы о его отставании от постоянно меняющейся демографической, экономической, социальной ситуации в стране. Это связано с тем, что планирование законодательства разных ведомств в социальной сфере не основано на целостной стратегии развития и протекает не системно. Социологические и научные исследования ведутся соответствующими специалистами по многим направлениям. Однако результаты мониторингов не переносятся в правовое поле. Как мы знаем, вопросами защиты прав людей преклонного возраста занимается много ведомств, каждое по своему направлению, что соответствует принятому разграничению полномочий в системе государственного управления. Но с другой стороны, разобщенность в проводимой каждым министерством политике сказывается на уровне защищенности пожилых людей и инвалидов (Барбашин, 2014; Карачева, Максимова, 2016).

Основные результаты

Проведенное нами исследование позволило определить основные рекомендации по совершенствованию системы социального обслуживания лиц с особыми нуждами в социальном пространстве Восточно-Казахстанской области, которые заключаются в следующем:

1. Необходимо ввести типовое деление домов-интернатов, поскольку существующая система домов-интернатов не только не способствует реабилитации и внедрению в общество, а напротив, ведет к деградации личности (дома-интернаты для престарелых, дома-интернаты для молодых инвалидов). При этом в положениях о домах-интернатах необходимо предусмотреть, что они могут соответствовать лишь одному типу. Принятию положений о домах-интернатах должно предшествовать внесение изменений в законодательные акты.

Наличие молодых людей и лиц трудоспособного возраста свидетельствует о необходимости разделения их проживания от престарелых и организации услуг дневной занятости. Это предложение связано также с выраженными различиями в содержании деятельности, необходимостью большого объема мероприятий направленных на социальное включение инвалидов трудоспособного возраста и меньшим объемом услуг ухода за ними, чем за престарелыми лицами.

Целесообразно по опыту других стран выводить молодых инвалидов из крупных МСУ и организовать малокомплектное учреждение для проживания инвалидов с поддержкой социальными работниками и с организацией в них службы дневной занятости инвалидов.

Необходимо обратить внимание, что для проживания пожилых граждан и инвалидов акцент делать не просто на развитие домов малой вместимости, а на дома малой вместимости для проживания пожилых граждан и инвалидов.

В понятие «проживание» мы включаем следующее содержание: создание материально-бытовых условий людям пожилого возраста и инвалидам, которые оказались в сложной жизненной ситуации. Это, в первую очередь, и горячее питание, и материальная поддержка, и комплексная социальная помощь, и услуги социальных работников и использование возможностей паллиативной реабилитации. Цель паллиативной реабилитации — помочь пациентам достичь и поддержать максимум их физического, психологического, социального и духовного потенциала, как бы ограничены они ни были в результате прогрессирования болезни. Качество жизни должно стать основным критерием в системе паллиативной медицины. Качество жизни человека — понятие, которое является более широким, чем чисто материальная обеспеченность, и предусматривает участие в оценке не только таких объективных факторов, как качество воды или воздуха, расстояние до курортов/санатория или наличие и доступность культурных учреждений, но и глубоко субъективных факторов, как, например, удовлетворенность отдельных индивидов своей жизнью. Качество жизни напрямую зависит от состояния здоровья, коммуникаций в социуме, психологического и социального статуса, свободы деятельности и выбора, от стрессов и чрезмерной озабоченности, организованности досуга, уровня образования, доступа к культурному наследию, социальному, психологическому и профессиональному самоутверждению, психотипа и адекватности коммуникаций и взаимоотношений.

Результаты анализа проведенного нами исследования позволили сделать выводы об основных преимуществах домов-интернатов малой вместимости по отношению к домам общего типа:

- во-первых, функционирование в географически близкой и привычной для пожилых людей среде жизнедеятельности (город, район, местность);
- во-вторых, налаженное социально-медицинское и сервисное обслуживание;
- в-третьих, персонифицированное предоставление необходимых (жизненно важных) социальных услуг и проведение индивидуальной социальной работы по удовлетворению потребностей граждан пожилого возраста и инвалидов.

Социальные преимущества домов-интернатов малой вместимости, получившие подтверждение во многих странах, выдвигают организацию домов-интернатов малой вместимости в число наиболее перспективных направлений в сфере стационарного социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов.

Дома-интернаты малой вместимости как перспективная технология позволяют облегчить доступ граждан пожилого возраста к социальным услугам, персонифицировать традиционное стационарное обслуживание, реально обеспечить более благоприятные условия для продления жизни граждан с особыми потребностями, вызванными наступлением пожилого возраста, негативными изменениями состояния здоровья, значимыми социальными причинами (неустойчивое материальное положение, одиночество, неблагоустроенное жилье или его утрата по различным причинам, другое).

С этой целью необходимо разработать Стандарт «Социальное обслуживание лиц пожилого возраста инвалидов в домах-интернатах малой вместимости» в целях создания условий для организации и развития малокомплектных домов (домов малой вместимости) для проживания пожилых граждан и инвалидов. При подготовке нормативного документа принять во внимание предложения, поступившие от органов социальной защиты населения и непосредственно от руководителей действующих стационарных учреждений социального обслуживания общего типа и малой вместимости.

Необходимо детализировать статус дома-интерната малой вместимости, определяемого как учреждение стационарного типа, создаваемое в целях предоставления различной социально-бытовой помощи гражданам пожилого возраста и инвалидам, частично или полностью утратившим способность к самообслуживанию и нуждающимся по состоянию здоровья в постоянном уходе и наблюдении, обеспечения адекватных возрасту и состоянию здоровья условий жизнедеятельности, проведения реабилитационных мероприятий, обеспечения ухода и организации отдыха и досуга.

В дом-интернат малой вместимости целесообразно принимать граждан пенсионного возраста и инвалидов I и II групп старше 18 лет на постоянное, временное (сроком до 6 месяцев) проживание, нуждающихся в постоянной посторонней помощи в связи с частичной или полной утратой возможности самостоятельно удовлетворять свои жизненные потребности.

При общей численности граждан пожилого возраста и инвалидов менее 26 человек рекомендуется создавать отделения (структурные подразделения) с функциями дома-интерната малой вместимости в составе учреждений социального обслуживания иных видов или органов социальной защиты населения.

Дома-интернаты малой вместимости граждан пожилого возраста и инвалидов могут быть стационарными учреждениями общего и психоневрологического профиля.

На основе детального изучения и анализа практики деятельности домов-интернатов малой вместимости рекомендуется наличие следующих структурных подразделений:

- организационно-методическое (служба);
- социально-медицинское отделение (служба);
- реабилитации и адаптации граждан пожилого возраста и инвалидов;
- другие отделения (службы), отвечающие целям и задачам дома-интерната малой вместимости.

Экономически затруднительно включение в штатную численность дома-интерната малой вместимости всех специалистов и сотрудников, необходимых для предоставления им различных социальных услуг стационарного обслуживания. Средством для устранения такого противоречия может явиться включение домов-интернатов малой вместимости в комплекс социальных учреждений данной местности, например территориального центра социального обслуживания. Использование возможностей фельдшерско-акушерского пункта, СВА и др.

Целесообразность введения в штатную численность государственных и негосударственных учреждений социального обслуживания «Дом-интернат малой вместимости для граждан пожилого возраста и инвалидов» должностей психолога, специалиста по социальной работе, социальных работников, инструктора по труду продиктована возрастными особенностями, наличием хронических заболеваний и особенностями психологического состояния пожилых людей и инвалидов.

Финансирование учреждения малой вместимости, на наш взгляд, должно быть смешанным (государственным и частным) и из средств, поступающих от проживающих в качестве платы за проживание и питание.

2. Проблемы, связанные с социально-психологической адаптацией в центрах по оказанию специальных социальных услуг. В крупных стационарных учреждениях адаптационный период зачастую протекает сложно, что может приводить к повышенной преждевременной смертности проживающих. Наряду с этим в домах малой вместимости этот процесс проходит более легко и безболезненно. Условия небольшого стационарного (интернатного) учреждения социального обслуживания, где постоянно проживает не более 50 граждан пожилого возраста и инвалидов, как правило, по 1–2 человека в комнате, служат дополнительной гарантией позитивных результатов мер социальной адаптации, развития возможностей самообслуживания, поддержания активного образа жизни, осуществления посильной трудовой деятельности, приобретения новых (полезных в пожилом возрасте) трудовых и бытовых навыков, содействия в восстановлении социальных связей. Небольшая численность проживающих в учреждении позволит на основе учета их потребностей организовать необходимый индивидуальный уход, облегчить процесс адаптации, создать условия, когда проживающий не чувствует себя затерянным среди незнакомых людей, с которыми ему предстоит взаимодействовать, сформировать ощущение коллективности, т.е. создается благоприятный социально-психологический климат и уют, приближенные к условиям домашней среды.

3. Жизненная реальность клиентов центров по оказанию специальных социальных услуг характеризуется признаками, составляющими понятие «госпитализм». К этим признакам относятся:

- монотонный образ жизни;
- ограниченность связей с внешним миром;
- бедность впечатлений;
- скудность, недостаточность жизненного пространства;
- зависимость от персонала;
- ограниченные возможности занятости;
- регламентированность деятельности социального учреждения.

Необходимо улучшить работу по интеграции, реинтеграции проживающих в сообщество, обеспечению их книгами, телевидением, организацией выходов на природу и т.п.

4. Обслуживание опекаемых в центрах по оказанию специальных социальных услуг.

Анализ результатов исследования позволяет пересмотреть качество оказания квалифицированной помощи, связанной с консультированием по социально-медицинским вопросам, в т.ч. по вопросам возрастной адаптации.

Необходимо увеличить количество оказания специальных социальных услуг социально-психологической направленности, а именно проведение психологических тренингов; оказания психологической помощи членам семьи для обеспечения благоприятного психологического климата, профилактики и устранения конфликтных ситуаций; осуществление психокоррекционной и психопрофилактической работы. Психологическое консультирование должно обеспечить оказание получателям услуг квалифицированной помощи по налаживанию межличностных отношений для предупреждения и преодоления конфликтов. Психологическое консультирование должно на основе полученной от получателя услуг информации и обсуждения с ним возникших социально-психологических проблем помочь раскрыть и мобилизовать внутренние ресурсы и решить эти проблемы. Психологическая коррекция как активное психологическое воздействие должна обеспечивать преодоление или ослабление отклонений в поведении, эмоциональном состоянии получателей услуг (неблагоприятных форм эмоционального реагирования и стереотипов поведения отдельных лиц, конфликтных отношений и других отклонений в поведении), что позволит привести эти показатели в соответствие с возрастными нормами и требованиями социальной среды. Беседы, общение, выслушивание, подбадривание, мотивация к активности, психологическая поддержка жизненного тонуса должны обеспечивать укрепление психического здоровья получателей услуг, повышение их стрессоустойчивости и психической защищенности.

При оказании специальных социальных услуг социально-экономической и социально-правовой направленности необходимо осуществлять консультирование по вопросам самообеспечения и улучшения материального положения (помощь в решении вопросов поддержания и улучшения своего материального положения и жизненного уровня семьи); оказывать помощь в оформлении документов, имеющих юридическое значение.

5. Необходим пересмотр дополнительного социального пакета для привлечения квалифицированных кадров, поскольку обнаруживается необходимость в специалистах медицинского, социально-психологического профиля, а желающих переехать жить и работать в сельскую местность не так много. Рекомендация 7 Венского международного плана по проблемам старения предусматривает, что лица, работающие с пожилыми людьми дома или в специальных заведениях, должны получить основную подготовку для выполнения этих задач, причем особое внимание должно уделяться участию пожилых лиц и их семей, а также сотрудничеству между работниками здравоохранения и социального обеспечения различных уровней.

Во многих центрах по оказанию специальных социальных услуг наблюдается недостаточность кадров, как выполняющих тяжелую работу — санитарок, по причине низкой заработной платы либо отдаленности от крупных населенных центров, так и квалифицированных врачей.

Одним из вариантов решения проблемы, на наш взгляд, может являться привлечение к уходу за опекаемыми волонтеров. Волонтерскую помощь могут оказать добровольцы или клиенты центра занятости, а также студенты психолого-педагогических специальностей вузов и ссузов, хотя бы в летнее время. Однако, к сожалению, не каждый центр готов принять волонтерскую помощь и в большинстве своем они являются недоступными для общественного контроля учреждениями. Кроме того, подопечные могут приниматься на работу в медико-социальные организации на штатные должности младшего обслуживающего персонала и рабочих, если эта работа им не противопоказана по состоянию здоровья, с оплатой согласно трудовому законодательству. Таким образом, вопрос нехватки обслуживающего персонала может быть частично решен путем привлечения трудоспособных опекаемых к тем работам, на которые неохотно идут молодые люди.

6. Недостаточное финансирование не позволяет в полном объеме оснастить оборудованием кабинеты или нанять специалистов, повысить квалификацию сотрудников. Результаты исследования показали необходимость в дополнительных специалистах по ЛФК; специалистах-психологах, для осуществления, в т.ч. арт-терапевтических тренингов и нейропсихологической реабилитации, которых недостаточно с точки зрения сотрудников в их учреждениях; специалистах массажного кабинета. Недостаток ощущается в кабинетах стоматологии, физиокабинетах, комнатах для бытовой ориентировки, кабинетах ЛФК, сенсорных кабинетах для психологической реабилитации, оснащенных кабинетах для логопеда и оздоровительных кабинетах со специальной техникой для детей-инвалидов.

7. Медицинские работники, осуществляющие уход за опекаемыми (например, медсестры, работники социального обеспечения и т. д.), должны пройти подготовку, чтобы овладеть принципами и навыками в соответствующих областях геронтологии, гериатрии, психогериатрии и ухода за престарелыми, что является требованием Правила № 19 Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов об обязанности государства обеспечить должную подготовку персонала, предоставляющего услуги инвалидам.

Повышение квалификации специалистов и персонала является принципиально важным условием для обеспечения качества услуг и внедрения новых видов поддержки. В связи с этим необходимо усилить контроль за организацией и обеспечением повышения квалификации кадров,

Для выполнения положений ЗРК «О специальных социальных услугах» в части повышения квалификации кадров нужно повысить ответственность местных исполнительных органов, в компетенции которых находится планирование, обеспечение и организация данного раздела работы.

Проводить курсы повышения квалификации персонала, работающего с престарелыми и инвалидами по вопросам организации услуг, социально-правовой помощи, геронтологии, практических навыков ухода, психологии за счет местного бюджета. Необходимо организовать обмен опытом, проводить совместные семинары и практикумы.

Получатели услуг упоминают возможное грубое или равнодушное отношение со стороны персонала. В этой связи необходимо обратить внимание на 14-й принцип

ООН в отношении пожилых людей, устанавливающий, что пожилые люди должны иметь возможность пользоваться правами человека и основными свободами, находясь в любом учреждении, обеспечивающем кров, уход или лечение, включая полное уважение их достоинства, убеждений, нужд и личной жизни, а также принимать решения в отношении ухода за ними и качества их жизни. Учитывая двойную специфику большинства учреждений (тяжело больные инвалиды и немощные престарелые) существует проблема с качественным составом кадров.

8. Опыт работы центров по оказанию специальных социальных услуг показывает необходимость использования всех источников финансирования [3]. Лица, поступающие в частный дом–интернат для престарелых, должны заключать договор с администрацией, в котором оговариваются условия проживания, права и обязанности сторон, услуги, которые будут оказываться опекаемым, вопросы питания, а также цена, которую опекаемые должны выплачивать учреждению за проживание. Цена определяется учредителем самостоятельно или по договоренности сторон, но она должна быть единой для всех проживающих. Оплата за обслуживание для всех клиентов должна быть единой.

9. Администрации центров по оказанию специальных социальных услуг необходимо активизировать работу по привлечению дополнительной внешней помощи (как финансовой, так и материальной): в оказании финансовой спонсорской помощи, которую могут оказать крупные предприятия области, частные предприниматели или все заинтересованные лица; обеспечение компьютерной техникой; обеспечение специализированной транспортной техникой для передвижения за пределы учреждения; обеспечение специальными тренажерами и инвентарем для инвалидов, в т. ч. пандусами; обеспечение оборудованием для физиолечения и медицинским оборудованием и др.

10. Отдаленность от крупных населенных центров, большая скученность людей, являющихся пожилыми и инвалидами, оказывает неблагоприятное влияние на состояние их душевного равновесия и не прибавляет оптимизма в настроениях. Данный факт не соответствует 5-му Принципу ООН в отношении пожилых людей в части того, что пожилые люди должны иметь возможность жить в условиях, которые могут быть адаптированы с учетом личных наклонностей и изменяющихся возможностей. Именно скученность является поводом для возникновения конфликтных ситуаций между пожилыми, поскольку они не имеют или имеют очень ограниченное личное пространство, не позволяющее чувствовать себя в уединении и заниматься своими делами. Кроме этого, необходимо предусмотреть формы мероприятий, связанных с более активным участием семей в жизнедеятельности лиц с особыми образовательными потребностями.

11. Организация мониторинга использования средств и качества услуг в МСУ осуществляется согласно положению, утвержденному постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 октября 2004 г. № 1132, Министерство труда и социальной защиты населения РК, однако, на наш взгляд, и результаты исследования показали, что этот контроль использования средств и качества услуг должен осуществляться попечительским советом, что будет способствовать более объективной оценке.

Такая форма общественного контроля, как попечительские советы, хорошо показала свою эффективность за рубежом, где в состав советов входят представители благотворительных организаций, бизнесмены, депутаты, ветераны, уважаемые в сообществе лица и родственники опекаемых. Участие благотворителей позволяет не только контролировать использование средств и качества услуг, но также выявлять проблемы и планировать будущие вложения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барбашин М.Ю. Институты и идентичность: методологические возможности теории институционального распада в современных социальных исследованиях. Журнал социологии и социальной антропологии, 2014, 4(75), 178–188.

Джамбурбаева М.У. Совершенствование организационно экономических механизмов социального обслуживания населения в Республике Казахстан: автореферат дис. ... канд. экон. наук. Караганда: Каз. ун-т экономики, финансов и международной торговли, 2010.

Карачева Т.В., Максимова С.Г. Развитие и перспективы альтернативных форм оказания социальных услуг лицам с особыми нуждами в Казахстане (на примере Восточно-Казахстанской области). Общественные науки, 2016, No. 5, 303–309.

Приступа Е.Н. Социальная работа с лицами с ограниченными возможностями здоровья: учеб. пособие. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2017.

REFERENCES

Barbashin, M.YU. (2014). Instituty i identichnost': metodologicheskie vozmozhnosti teorii institutsional'nogo raspada v sovremennykh sotsial'nykh issledovaniyakh [Institutions and identity: methodological possibilities of the theory of institutional dissolution in contemporary social research]. The Journal of Sociology and Social Anthropology, vol. 4, no. 75, 178–188.

Dzhamburbaeva, M.U. (2010). Sovershenstvovanie organizatsionno ehkonomicheskikh mekhanizmov sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya v Respublike Kazakhstan [Improvement of organizational and economic mechanisms of social services to the population in the Republic of Kazakhstan] (PhD Thesis), Karaganda: Kazakh university of economics, finance and international trade.

Karacheva, T.V., Maximova, S.G. (2016). Razvitie i perspektivy al'ternativnykh form okazaniya sotsial'nykh uslug litsam s osobymi nuzhdami v Kazakhstane (na primere Vostochno-Kazakhstanskoj oblasti) [Development and perspectives of alternative forms of social services for people with specific needs in Kazakhstan (on the example of East Kazakh region)]. Social science, no. 5, 303–309.

Pristupa E.N. (2017). Sotsial'naya rabota s litsami s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: ucheb. Posobie [Social work with persons with disabilities: training manual]. Moscow: FORUM: INFRA-M.

УДК 314.7:339.565

ТРАНЗИТ В СТРУКТУРЕ МИГРАЦИОННЫХ ОБМЕНОВ РЕГИОНОВ РОССИИ СО СТРАНАМИ СНГ (ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)*

О.Е. Ноянзина, С.Г. Максимова

*Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия),
e-mail: noe@list.ru, svet-maximova@yandex.ru*

На основе статистического анализа показателей миграционного прироста за счет обмена регионов России со странами СНГ субъекты Российской Федерации рассмотрены с точки зрения привлекательности для мигрантов. Отдельное внимание уделяется распределению наиболее популярных маршрутов движения мигрантов из стран СНГ в Российской Федерации, выявляются возможные транзитные регионы страны. Сделан вывод, что постановка иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации не отражает реальных миграционных намерений перемещающихся граждан, поскольку часть мигрантов скрывают реальные цели своего посещения страны, желая облегчить себе пребывание на ее территории, или планируют использовать нелегальные каналы и ресурсы миграции в западные (или другие) страны из-за отсутствия возможности законно пересечь их более жестко охраняемые и не для всех прозрачные границы. Транзит мигрантов из стран СНГ если имеет место, то срок перехода к следующему этапу миграции в абсолютном большинстве случаев произойдет позже, чем через десять дней (как это предусмотрено миграционным законодательством). Вероятнее всего, в статистику «транзита» включены те мигранты, которые определили конечный пункт своего «путешествия» и легально перемещаются по этапам транзита, либо речь идет о временном характере миграции (туризме, учебе, служебных и частных целях визита в третьи страны, следование в которые осуществляется через Россию).

Ключевые слова: миграция, транзит, транзитные мигранты, перемещение, миграционный обмен, регионы России, страны — участницы СНГ, потенциал транзита.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект 28.2757.2017/4.6 «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция», 2017–2019.

TRANSIT IN THE STRUCTURE OF MIGRATION EXCHANGES OF RUSSIAN REGIONS WITH THE CIS-COUNTRIES (EXPERIENCE OF STATISTICAL ANALYSIS)

O.E. Noyanzina, S.G. Maximova

*Altai State University (Barnaul, Ru),
e-mail: noe@list.ru, svet-maximova@yandex.ru*

Article presents results of statistical analysis about indexes of migration growth in a result of migration exchange of Russian regions with the CIS countries. Subjects of the Russian Federation were considered from the point of view of attractiveness to migrants. A special attention is paid to the distribution of the most popular migration roots from the CIS countries in the Russian Federation; possible transit regions were specified. Authors conclude about poor ability of Russian migration statistics to reflect real migration movements of migrants, because a part of migrants hide real purposes of their visit and wish to make easier the stay in the Russian Federation or sometimes plan to use illegal roots and resources of migration to the Western (or other) countries because the absence of opportunity of legal crossing through strictly protected or nontransparent borders. If the CIS transit occurs in Russia, the time of transit to the next stage of migration will probably be realized later, than 10 days (as it is determined in migration laws). Statistics of the transit covers only those migrants, who are sure in the final point of movement and legally move through the transit stages, or those, who are in temporary migration (tourism, education, work of private visits) and move in transit in the Russian Federation.

Keywords: *migration, transit migrants, movement, migration exchange, Russian regions, the CIS-countries, potential of transit.*

Введение

Транзитная миграция — это синтетическая концепция, объединяющая в себе понятия транзита и миграции (Paradopolou-Kourkoula, 2008). Ее содержание чрезвычайно динамично, поскольку научно размыто и идеологически и политически нагружено. Данное понятие обращает нас к определенным формам предположительно временной миграции и к мигрантам, которые находятся в состоянии перемещения из страны в страну как намеренно, так и будучи вынужденными в силу обстоятельств, из-за изменившихся условий жизни, появления новых стимулов или угроз. В более широком смысле транзитная миграция предполагает реальные и вообразаемые переезды и путешествия на большие расстояния и длительные периоды времени, которые могут постоянно менять направление и даже могут быть опасными для переезжающего.

Характерно, что транзитная миграция часто следует традиционными и даже древними маршрутами, как те, которые пересекают Сахару, и прочими устоявшимися

ся миграционными схемами, например, русскоговорящего мира. Транзитная миграция может совпадать с эмиграцией из транзитной страны, что мы можем наблюдать в Украине, где мигранты не из стран ЕС движутся вместе с коренным населением страны (например, трудовыми мигрантами в Испанию и Великобританию); совпадение может быть и с возвратной миграцией, что показывает нам пример Португалии и России. Такая миграция часто идет «рука об руку» с потоками этнических миграций, поэтому некоторые исследователи (например, Farny, 2014, Максимова и др., 2016) говорят о взаимосвязи между транснациональными этническими сообществами, которые в некоторых странах предоставляют безопасные коридоры для дальнейших перемещений, а нелегальные агенты содействуют мигрантам в выборе кратчайших траекторий или в пересечении сложных отрезков пути, таких как пересечение границы, готовят все путешествие в целом и длительность остановок в стране транзита. И наконец, мигранты могут «застрять» в промежуточной стране, поскольку у них закончились средства на переезд, они не смогли пересечь очередную границу или потому, что эксплуатируются такими «этническими агентами». Различные аспекты таких перемещений — выход из стран происхождения, вхождение и временное пребывание в транзитной стране, выход из нее и въезд в страну назначения могут быть как законными, так и незаконными, как некоторые отрезки пути законные, а некоторые — нет.

География транзитной миграции идентифицируется через транзитные зоны, к числу которых в том числе относятся и государства — участники СНГ, Российская Федерация, Украина, Азербайджан, Турция, Кипр, Балканы. В резюме международной конференции «(Irregular) Transit migration in the European Space», прошедшей в Стамбуле в апреле 2008 года, выделено шесть типов стран, вовлеченных в транзитную миграцию: страны исхода; страны, которые выступают начальными пунктами маршрута (например, Россия, Йемен, Мавритания, Сенегал, Мали); страны — трамплины в Европу (например, Украина, Сербия, Турция, Ливия, Кабо-Верде, Марокко); первая страна назначения; страны, пройденные на маршруте; страна финального назначения (как правило, страна ЕС или Северной Америки).

Однако не стоит рассматривать эту типологию как догму. Динамическая природа паттернов миграции (особенно нелегальной) приводит к тому, что отдельная страна может выступать «точкой входа» для одних мигрантов и пунктом «назначения» — для других. Более того, характеристики миграции постоянно меняются, и транзитные страны становятся точками назначения (как произошло в случае Испании и Италии). Более того, представления мигрантов о «пункте назначения» также могут изменяться с опытом перемещений уже после переезда, страна, изначально выступавшая в качестве временного пребывания, становится страной постоянного проживания, что иллюстрирует восприятие ее мигрантами и их установки. В результате меняющихся политических условий, усиления контроля и прочих административных мер миграционные стратегии также постоянно меняются: в промежуточных пунктах, где усиливается полицейский режим, уменьшаются и сходят на нет миграционные потоки; возникают новые возможности и новые маршруты; на этих маршрутах возникают новые порты назначения и выбытия.

Концепция транзитной миграции — новое понятие для современной науки, его популярность тесно связана с процессами становления интернализации или экстернализации миграционной политики Европейского Союза, создания проектов в сфере миграционного контроля граничащих стран и возвратной миграции. Так, Düvell (2009) называет концепцию транзитной миграции «очень европейской», но, тем не менее, проявляющейся и в Юго-Западной Азии, Южной Африке и Латинской Америке. В некоторых более ранних публикациях, например отчетах Международной организации по вопросам миграции (1994), говорилось о двух миллионах мигрантов, находящихся в Центральной Европе и желающих переместиться на Запад.

Вместе с тем нет единого и общепринятого определения транзитной миграции. В работах Papadopoulou (2005) транзитная миграция описывается как «стадия между эмиграцией и поселением», в отличие от доклада ассамблеи Межпарламентского союза в Женеве (2005), где говорится, что «транзитные мигранты — это ... чужие, которые остаются в стране на некоторый период времени и постоянно пытаются переехать в другую страну», а Экономическая комиссия Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) (1993) называет транзитную миграцию «миграцией из одной страны с намерением искать возможности эмиграции в другую страну как страну финального назначения». В работе Roman (2006) предполагается, что мигранты, которые после 12-летнего проживания в стране переехали на жительство в другую, являются транзитными.

Обобщая ряд научных публикаций, можно выделить группы предположений о том, что мигранты в состоянии транзита:

- это мигранты из стран с низкими доходами населения в страны со средними доходами, стремящиеся в высокодоходные страны;
- это не только мигранты в страны ЕС, которые называются в качестве транзитных, но также и в другие страны, посещаемые мигрантами, для достижения пункта назначения.

Другим измерением миграции являются установки мигрантов. Иногда намерение транзита в определенную страну существует изначально, в начале пути, но иногда оно возникает в ответ на неблагоприятные условия в стране пребывания; а попытки транзита присутствуют, но претерпевают неудачу, а в некоторых случаях мигранты просто мечтают переехать в другую страну, но ничего для этого не предпринимают. Еще большую неопределенность в понимании транзитной миграции привносит то, что транзитные мигранты могут быть беженцами или экономическими мигрантами, желающими воссоединиться с семьей или получить хорошее образование. Следует учитывать и то, что в транзитной миграции часто наблюдается нелегальный аспект, касающийся входа в транзитную страну, пребывания в ней или того и другого. Таким образом, транзитная миграция представляет собой пример смешанной миграции, и ее анализ требует выяснения ее законности (вход, пребывание в стране транзита, выход из страны транзита, вход в следующую страну и так далее).

Проблемы аналитического оформления концепции транзитной миграции осложнены еще и тем, что транзитные мигранты не регистрируются или частично ре-

гистрируются в транзитных странах вследствие их мобильности (зачастую неверно трактуемой) и ограниченной природы пребывания в таких странах. Доступные данные охватывают мигрантов только на границах, они скудны, недоступны и потенциально подвержены разного рода манипуляциям в политических целях, не дают достаточной информации о реальном опыте мигрантов. Именно поэтому исследования транзитных миграций крайне редко опираются на качественные данные.

Понятие «времени», сопровождающее концепцию транзитной миграции, также сложно операционализировать: как долго или как быстро должен длиться транзит, чтобы быть индентифицируемым в качестве транзитной миграции, после какого срока пребывания транзит становится процессом расселения, и так далее. В реальности транзит может длиться значительный период времени, от нескольких недель до нескольких месяцев, а, в некоторых случаях и нескольких лет. Некоторые различия можно выделить между теми, кто нуждается в международной защите (беженцы, меньшинства) и другими (экономическими) мигрантами.

В Российской Федерации, как и в Европе, процессы транзитной миграции обострились в 1990-х гг., когда границы страны открылись для мигрантов из стран СНГ, которые, используя Россию в качестве страны транзита, желали перебраться в страны Европы. В этот же период стала расширяться деятельность разнообразных агентов, оказывающих содействие в незаконной миграции за пределы страны. При этом Россия стала удобным каналом для перемещений в Европу не только мигрантов из стран средней Азии, но и из Китая и Африки. Как ранее упоминалось, Россия, и Украина стали основными странами транзита мигрантов на территорию Европейского Союза.

Т.И. Трофимова (2010) связывает выбор Российской Федерации в качестве точки транзита с ее географическим положением (в т.ч. общей сухопутной границей с ЕС), прозрачными границами со странами СНГ, слабым контролем за въездом иностранных граждан и их пребыванием на территории страны, а также «отсутствием у российского правительства полноценных институциональных рычагов управления миграционными процессами», высокой коррупциогенностью, распространенностью теневых трудовых практик, а также наличием сетевых взаимодействий диаспоральных этнических групп. В частности, в России существуют практически неограниченные возможности участия в теневом секторе экономики (Радаев, 2013), а следовательно, широкие возможности заработать средства на следующий шаг миграции.

Именно поэтому многие мигранты приезжают в страну под предлогом нужды в политическом убежище и оседают в России, нарушая миграционное законодательство и стремясь мигрировать в более развитые страны Европейского союза. Данное обстоятельство значительно усложняет оценку численности транзитных мигрантов, временно пребывающих в стране. По разным оценкам, только 2,5% транзитных мигрантов указывают соответствующую цель при пересечении границы России, а более 60% въездов страну классифицируются как частные визиты, когда скрываются истинные причины миграции (Молодикова, 2009).

Еще одним аспектом этого явления выступает асимметричность границ России, т.е. достаточно легкий въезд на территорию страны и невозможность покинуть

ее в силу более строго охраняемых границ развитых государств. Таким образом, нелегальные мигранты надолго задерживаются в России, но при этом не только не собираются постоянно проживать в стране, но и не имеют намерений легализовать свое положение, демонстрируют нежелание интегрироваться и фактическое «пренебрежение» к стране.

Итак, все вышеотмеченное указывает на то, что транзит — это очень подвижная концепция, очень непростой объект для социологического исследования, сложно поддающийся определению, операционализации и эмпирическому обследованию, подверженный предрассудкам и глубоко политизированный. Однако в силу своей комплексности феномен транзита нуждается в дальнейшей проблематизации и изучении, продолжении дискуссии о типах миграции и категориях мигрантов, а также влиянии политического дискурса на транзит и в целом понимании этого явления.

Методы

Целью настоящей статьи является рассмотрение основных миграционных трендов в Российской Федерации с позиций оценки потенциала транзита мигрантов из стран СНГ, а также основных направлений транзитных перемещений. Основой для анализа выступают открытые данные статистических бюллетеней Росстата, в частности «Численность и миграция населения Российской Федерации», «Естественное движение населения Российской Федерации», а также данные Всероссийской переписи населения 2010 г.

Исходным посылом при формулировании цели работы стали данные современной миграционной статистики, согласно которым только в 2016 г. около 3,0% граждан, находящихся на территории Российской Федерации, перемещаются как внутри страны, так и за ее пределами. Можно заметить, что мобильность населения существенно возросла, начиная с 2011 г. более чем на 61% (с 2 103 304 человек, въехавших в субъекты Российской Федерации в 2010 г., до 3 415 055 человек в 2015 г.), и далее небольшими темпами лишь продолжает интенсифицироваться. Одновременно с этим во все годы рассматриваемого периода в России фиксировался миграционный прирост населения за счет граждан зарубежных стран, увеличившийся почти в два раза за десятилетний период: с 132 219 человек в 2006 г. до 261 948 — в 2016-м. Только в одном году — 2008-м миграционный прирост не продемонстрировал тенденции роста. Данная ситуация может свидетельствовать о том, что население в отношении миграции в Россию и внутри России становится все более мобильным, активно передвигается по регионам страны, и сложности, сопровождающие перемещение, все чаще отходят на второй план перед возможными экономическими выгодами миграции. Рассуждая далее, можно предположить расширение и формирование новых типов миграционного поведения, распространения миграционных стратегий, жизненных планов, соответствующих намерений и установок.

Результаты и обсуждение

Практически каждая страна — участница СНГ в период последних лет не-

значительно, но наращивала «донорство» своих граждан в Российскую Федерацию. Так, из Азербайджана в Россию прибыло 8900 мигрантов в 2006 г. и 24 109 — в 2016-м, из Армении — 12 949 и 43 929 соответственно, приток граждан Беларуси существенно увеличился начиная с 2011 г. (в период 2006–2010 гг. в Россию прибывало около 5 тысяч граждан Белоруссии ежегодно, а в 2011 г. — уже 10 185 мигрантов, увеличение потока из Беларуси произошло до 14 590 чел. в 2016 г.), также стабильный рост демонстрирует приток граждан Казахстана (с 38 606 в 2006 г. до 69 356 чел. в 2016 г.), Киргизии (с 15 669 до 28 202 соответственно), Молдовы (с 8649 до 32 418), существенно увеличился (скачкообразно почти в 2,5 раза в 2011 г.) приток мигрантов из Таджикистана (с 6523 до 52 676), Украины (также скачкообразно в 2014 г. в силу произошедших общественно-политических трансформаций в стране, с 32 721 в 2006 г. до 178 274 чел. в 2016-м, максимальное число граждан Украины, прибывших в Россию, зафиксирован системой миграционного учета в 2015 г. — 194 801 чел.). Приток в Российскую Федерацию граждан Узбекистана стабильно высок на протяжении последнего десятилетия (в 2006 г. — 37 126 мигрантов, в 2016-м — 60 977), однако в 2013 г. произошло резкое увеличение миграционного потока: с 87 902 чел. в 2012 г. до 118 130 в 2013-м и уже 131 275 в 2015 г.). Относительно стабилен приток в Россию граждан практически закрытой для миграций страны — Туркмении, которая ежегодно «обеспечивает» Российской Федерации 5–6 тысячами мигрантов. Вместе с тем весомый вклад в миграционный приток делают страны дальнего зарубежья — за десятилетний период в Россию приехали 444 216 мигрантов из стран дальнего зарубежья.

В период с 2008 по 2011 г. численность как прибывающих из-за рубежа, так и выбывающих из России граждан имела небольшую отрицательную динамику, что характерно также для внутристрановой мобильности и совпадает с кризисными явлениями в экономике страны (экономический кризис 2008 г. и период выхода из него). Начиная с 2011 г. растет доля как прибывающих в Россию из зарубежных стран, так и выбывающих за пределы страны, при этом кривые внешних для страны миграционных потоков в 2012 г. впервые «разошлись» на графике.

Так, в 2006 г. выехало из страны в зарубежье 54 061 чел., а въехало более чем в три раза больше — 186 380, в 2012 г. выехало из страны 122 751, а въехал 417 681 иностранец, в 2016 г. в страну из зарубежных стран въехали 576 158 чел., а выехали за рубеж — 313 210. В количественном выражении число прибывающих в Россию иностранных граждан во все годы рассматриваемого периода почти в три раза превышало число выбывающих в зарубежные страны. При этом произошло скачкообразное увеличение численности как иностранных мигрантов, так и отечественных эмигрантов: в 2011 г. — резкий рост числа прибывающих мигрантов, с 191 656 чел. в 2010 г. до 356 535 в 2011-м (рис. 1). Возможно, такая ситуация с наплывом иностранцев (как показывает дальнейший анализ — преимущественно из стран СНГ и Балтии) связана с изменением в законодательстве о миграционном учете и правовом положении иностранцев в России 2011 г.

Эти поправки создали благоприятную среду прежде всего для миграции транзитного характера, позволяя в течение семи дней без регистрации, а то и более дли-

тельный период без особых санкций со стороны государства находиться на территории страны, перемещаться с целью миграции в более благополучные экономически или по каким-либо иным характеристикам страны. В пользу данного вывода свидетельствует скачкообразный рост численности граждан, выехавших в зарубежье в 2012 г.: с 36 774 до 122 751 чел. в 2012 г. И в дальнейшем миграционный обмен России со странами зарубежья только усилился.

В 2016 г., как и во все предыдущие годы, субъектом — лидером по приему иностранных граждан стал Центральный федеральный округ, принявший 19 488 чел. (из 63 385 прибывших в Россию из зарубежных стран и 170 926 — из стран СНГ — из 511 773 прибывших иностранцев из СНГ). Максимальное количество мигрантов приняла Московская область (33 238 чел. из стран СНГ и 2029 — из зарубежных стран), Москва (21 225 и 4563 соответственно), Воронежская (16 833 и 1747) и Калужская (16 314 и 329) области. Меньше прочих регионов округа приняла мигрантов депрессивная территория Ивановской области — всего 934 гражданина стран СНГ и 144 — других зарубежных государств.

На втором месте по миграционной привлекательности для зарубежных мигрантов — Приволжский федеральный округ, которые принял в 2016 г. 74 402 граждан стран СНГ и 6201 — из других зарубежных стран; абсолютный лидер по приему здесь — Саратовская область (10 720 и 375), наибольшей привлекательностью также обладают такие регионы, как Самарская область, Республики Мордовия, Башкортостан и Татарстан, наименьшей — Республика Марий Эл (773 чел. из стран СНГ и 77 — из зарубежных стран).

На третьем месте по миграционной привлекательности для иностранных граждан — регионы Сибирского федерального округа, принявшего 69 581 гражданина СНГ и 6660 других иностранцев: абсолютный лидер здесь — Новосибирская область, которая приняла почти столько же иностранцев, как и Московская область: — 20 483 чел. из СНГ и 1877 — из других стран. Существенно «отстает» от Новосибирской области Красноярский край, привлекающий мигрантов довольно высоким качеством жизни и уровнем оплаты труда (12 357 и 2114 чел.). На третьей позиции два приграничных субъекта, служащих «местом входа» мигрантов из Средней Азии, преимущественно Казахстана, а также Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, — Алтайский край (9081 и 677) и Омская область (8669 и 826), а также промышленная Кемеровская область (8860 и 324 чел.). Наименьшее количество мигрантов приняли национальные республики СФО — Тыва, Алтай и Бурятия (101, 306 и 911 чел. из стран СНГ и 152, 24 и 155 из других зарубежных стран соответственно).

Чуть меньше, чем СФО, принял мигрантов Южный федеральный округ Российской Федерации: 69 951 чел., из них 61 146 — из государств — участников СНГ, причем основная миграционная нагрузка пришлась на Краснодарский край (20 329 и 3221) и существенно меньше — на Ростовскую область (11 605 чел. из стран СНГ и 776 — из зарубежных стран). В отличие, например, от Калмыкии, всего принявшей в течение 2016 г. 104 мигранта, из них из стран СНГ — 44.

Северо-Западный федеральный округ в течение 2016 г. принял 59 591 мигранта из зарубежных стран, из них подавляющее большинство (7025 чел.) — из стран

СНГ. Помимо принимающего лидера — города федерального значения Санкт-Петербурга (18 756 и 3635 чел.), высокую миграционную привлекательность имеет прилегающая к Санкт-Петербургу Ленинградская область (10 106 и 784) и анклавный регион России — Калининградская область (8664 и 700 чел.). На последней позиции в данном ключе — Ненецкий автономный округ (195 чел. из стран СНГ и 4 — из зарубежных стран).

В Уральском федеральном округе, принявшем 51 402 мигрантов из стран СНГ и 1754 — из других зарубежных стран, богатые промышленные, нефте- и газодобывающие регионы приняли такое количество мигрантов, которое сопоставимо лишь с Москвой и Московской областью: 28 714 мигрантов из стран СНГ и 754 — из другого зарубежья приняла Тюменская область (в том числе ХМАО — 12 599 и 152; Челябинская область — 11 242 и 487, Свердловская немногим меньше область — 9 357 и 460 чел.). В целом каждый субъект УФО обладает миграционной привлекательностью и принял только в 2016 г. свыше двух тысяч иностранных граждан.

Существенно меньше вышеперечисленных регионов принял иностранных граждан Дальневосточный федеральный округ, однако, в данном случае существенное отличие в составе потока иностранных мигрантов произошло за счет жителей приграничного Китая: всего в округ въехало 23 993 чел. из стран СНГ и 11 230 — из других зарубежных стран. Основные потоки мигрантов приняли Приморский (7661 и 4478) и Хабаровский края (6258 и 5200 чел.).

Наименьшее количество мигрантов 2016 г. прибыли в Крымский федеральный округ (9918 и 5342 иностранных граждан из стран СНГ соответственно в Республику Крым и город и Севастополь — 1922 и 91 чел. соответственно) и Северо-Кавказский Федеральный округ (9 491 и 2 222), где абсолютным лидером миграционной привлекательности стал Ставропольский край: 7153 граждан стран СНГ и 987 — других зарубежных стран.

В течение последних 4–5 лет (преимущественно начиная с 2015 г.) существенно увеличилось число граждан, выезжающих за пределы Российской Федерации. Возможно, большая часть таких мигрантов именно транзитные, которые совершили дальнейшие шаги по миграционному пути вследствие ухудшения экономической обстановки внутри страны и экономического кризиса, второй «виток» которого произошел 2014 г. и привел к существенному удешевлению российской национальной валюты, что практически обесценило, по международным меркам, труд мигранта.

Итак, лидером по приему выезжающих из России являются две бывшие союзные республики — Украина (11 926 российских мигрантов 2006 г. и 59 455 в 2016-м) и Казахстан (11948 и 32 226 чел.). В Беларусь выехали 6 318 граждан России, а к 2016 г. число выезжающих достигло 12 463 чел., в Армению в 2006 г. — 686 человек, а в 2016-м — 31 936, в Таджикистан — 424 и 25 388 эмигрантов, в Узбекистан — 648 и 41 305 соответственно, в Азербайджан — 1366 и 13 670 чел.. Три республики — Киргизия, Молдова и Туркмения, принимавшие около 700 человек ежегодно вплоть до 2011 г., в 2016-м приняли 17 159, 18 0554 и 4824 чел. Наибольшее число выезжающих приняли Греция (53 063 человека за период 2006–2016 гг.), Китай (40 267 чел.) и КНДР (23 025 чел.).

Таким образом, миграционный отток из России течение последнего десятилетия увеличился в десятки раз. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют оценить национальный состав миграционного оттока, выявить транзитный или возвратный характер миграций.

Имея виду цель исследования, связанную с пониманием траекторий мигрантов, являющихся иностранными гражданами, в том числе гражданами стран СНГ, отметим, что в течение последних трех лет доля мигрантов из стран СНГ сохраняется примерно на одном уровне, тогда как в период с 2008 по 2013 г. — незначительно увеличивалась с 271 623 чел. в 2008 г. (12,3% всех перемещений) до 422 738 чел. в 2013 г. (9,7% от всех перемещений) (рис. 2). В 2014–2016 гг. численность мигрантов из стран СНГ ежегодно составляла чуть более 500 000 чел. (10,9% от всех перемещений населения в 2016 г.). Вместе с тем в 2011 г. почти в 3,5 раза увеличилась в абсолютных цифрах доля граждан дальнего зарубежья в общей миграции населения России (с 12 590 в 2010 г. до 45 986 в 2011-м, а к 2016 г. в Россию приехало уже 63 385 иностранных граждан из дальнего зарубежья — 1,3% от всех перемещений населения).

Отметим, что мобильность населения внутри регионов Российской Федерации увеличилась за рассматриваемый период более чем в два раза, судя по абсолютным значениям численности мигрирующих: с 2 215 945 чел. в 2008 г. до 4 706 411 в 2016-м. На этом фоне перемещение в Россию потоков мигрантов из стран СНГ постепенно снижается, а других иностранных государств — увеличивается, но составляет незначительную долю в общем числе миграций населения.

Согласно данным по итогам миграции населения по субъектам Российской Федерации, в 2016 г. миграционный прирост за счет стран СНГ составил 255 293 чел. и других зарубежных стран — 6655 чел., для сравнения: в 2008 г. прирост за счет внешней миграции из стран СНГ составил 244 767 чел., дальнего зарубежья — 2661 чел.

Итак, в абсолютных цифрах прирост мигрантов из стран СНГ — в ЦФО (87 804 чел), преимущественно в Московскую область (19 632), Курскую (9556), Воронежскую (9520), Калужскую (8348), Белгородскую (7180 чел.) области. Наименьший прирост мигрантов в Ивановской (862) и Костромской областях (186), а в Тамбовской области в 2016 г. миграционный прирост граждан стран СНГ имел отрицательное значение: –1 732 человека.

По СЗФО миграционный прирост за счет стран СНГ в 2016 г. составил 18 191 человека, а с прочими зарубежными странами — 506: Калининградская область приняла самую большую часть мигрантов — на 5964 чел. больше, чем в АППГ, на втором месте Ленинградская область — 4138 чел., на третьем — город федерального значения Санкт-Петербург (1715 чел.), Нижегородская (1551) и Псковская (1 223) области, прочие регионы приняли менее одной тысячи мигрантов из стран СНГ, менее прочих — Ненецкий автономный округ (70 человек).

В регионах ЮФО в целом миграционный прирост граждан стран СНГ составил 39 562 чел., дальнего зарубежья — 2725 чел., абсолютное большинство из которых приняли Краснодарский край (12 262) и Ростовская область (7 184 чел.).

Самые «скромные» показатели миграционного прироста населения за счет стран СНГ имеет СКФО — 3852 чел. (762 — из дальнего зарубежья), практически всех из них принял Ставропольский край (на 2821 чел. больше, чем в 2015 г.).

ПФО принял на 32 505 граждан стран СНГ больше и на 88 других иностранных граждан меньше в 2016 г., при этом граждане СНГ равномерно распределились в пределах 7–5 тыс. чел. прироста между Мордовией, Самарской и Саратовской областями, в пределах 3–2 тыс. чел. прироста между Оренбургской и Ульяновской областями и Татарстаном, примерно на 1,7–1 тыс. граждан стран СНГ больше приняли такие регионы, как Нижегородская и Пензенская области, Чувашия и Пермский край.

По УФО миграционный прирост за счет перемещений со странами СНГ составил 32 140 чел., большинство из которых мигрировало на территорию Тюменской области (17 543 чел.), ХМАО (8991), Челябинской (7155) и Свердловской (1303) областей.

В СФО (общий миграционный прирост регионов за счет стран СНГ — 32 204 чел., дальнего зарубежья — 2626) лидером по приему иностранных мигрантов стала Новосибирская область (прирост из стран СНГ 11 435 чел.), с существенно меньшим приростом столкнулись Кемеровская область (6824) и Красноярский край (6126 чел.), в целом же по округу по всех его регионах в 2016 г. зафиксирован положительный миграционный прирост за счет миграционного обмена со странами СНГ.

ДВФО в 2016 г. принял на 1128 граждан дальнего зарубежья меньше и на 9029 мигрантов из стран СНГ больше: основной миграционный прирост пришелся на Хабаровский (2549) и Приморский (2115) края.

В Крымском федеральном округе: в 2016 г. Республика Крым приняла на 9177 граждан СНГ больше и на 783 гражданина из дальнего зарубежья, а город Севастополь — на 5260 мигрантов из стран СНГ и 72 — других стран.

Таким образом, на основе анализа показателей миграционного прироста за счет обмена регионов России со странами СНГ можно выделить группы регионов, пользующихся разной привлекательностью для мигрантов в 2016 г.:

- в первую группу регионов вошли четыре субъекта Российской Федерации, показатели миграционного прироста в которых имеют максимальные значения и превысили 12 тыс. чел.: Московская и Тюменская области, Краснодарский край, Новосибирская область;
- во второй группе — регионы, миграционный прирост в которых в абсолютных значениях составил от 5 до 10 тыс. чел.: Курская и Воронежская области, Республика Крым, ХМАО, Калужская область и Мордовия, Ростовская, Белгородская, Челябинская области, Москва, Кемеровская и Тульская области, Красноярский край, Липецкая и Свердловская область, Калининградская, Самарская область, Севастополь и Саратовская область;
- в третьей группе — субъекты Российской Федерации с миграционным приростом от одной до 4,5 тыс. чел.: Омская, Ленинградская, Оренбургская, Волгоградская, области, Ставропольский и Хабаровский край, Ульяновская область, Республика

Татарстан, Ярославская, Брянская области, Приморский край, Рязанская, Нижегородская, Пензенская области, Санкт-Петербург, Астраханская, Владимирская, Новгородская области, Алтайский край, Орловская область, Чувашия, Курганская область, ЯНАО, Смоленская, Псковская области и Пермский край, Адыгея, Магаданская область;

- в четвертой группе — регионы с показателями миграционного прироста от 0 до 1 тыс. чел.: Архангельская область, Удмуртия, Амурская, Мурманская область, Сахалинская, Ивановская области, Коми, Камчатский край, Якутия, Бурятия, Томская, Иркутская области, Забайкальский край, Карели, Северная Осетия, КБР, Дагестан, Костромская область, Марий Эл, Кировская область, Чечня, Республика Алтай, Тыва, Чукотский АО, Ненецкий АО, Еврейская АО, КЧР, Ингушетия;
- и наконец, в пятую группу регионов с отрицательным миграционным приростом за счет граждан СНГ вошли Калмыкия, Башкортостан и Тамбовская область.

Поскольку в одну группу регионов, принимающих схожие по численности миграционные потоки из стран — участниц СНГ, попадают регионы с разным центр-периферийным статусом, уровнем социально-экономического положения и состояния рынка труда, мы не можем сделать однозначного вывода о движении, например, мигрантов из стран СНГ «на Запад», в т.ч. с целью транзита, стремлению к российскому приграничью в целом. Как уже ранее отмечалось по итогам обзора существующих работ в области транзитной миграции, количественный анализ статистических данных не позволяет исследователям сделать обоснованные выводы о наличии, характере и количественных и качественных параметрах транзитной миграции.

Вместе с тем в качестве тенденции можно выделить более скудные потоки мигрантов из стран СНГ в этнические республики Российской Федерации. Видимо, критерий проведения региональных различий по оси «русское ядро — этнорегионы» в т.ч. будет определять особенности как течения миграционных процессов, так и практик транзита. Однако сделанные выше выводы требуют более углубленного исследования миграционных траекторий, в т.ч. качественными методами.

К сожалению, на сегодняшний день доступны данные о страновой структуре въездной миграции только на период до 2012 г. Итак, в 2012 г. самый обширный поток мигрантов из стран СНГ обеспечил Узбекистан, из которого въехали 87 902 чел., далее со значительным отрывом по величине миграционного потока в течение 2012 г. — мигранты из Украины (49 411 чел.), Казахстана (45 506). Наименьшие «национальные» группы мигрантов — из Туркмении (5442), относительно закрытой для внешней миграции, Белоруссии (16 564) и Азербайджана (22 287 чел.).

Рассмотрим географию «расселения» мигрантов из стран СНГ: в ЦФО численно преобладали мигранты из Узбекистана (25 383), Украины (20 757) и Молдовы (14 632 чел.); в СЗФО — мигранты исключительно из Узбекистана (21 046); в ЮФО — из Узбекистана (5896) и Армении (5385); в СКФО — Азербайджана (1084) и Армении (3189); ПФО — из Узбекистана (16 670), Таджикистана (8432), Казахстана (6358) и Армении (6209 чел.); в УФО — Таджикистана (7646), Украины (77 022), Киргизии (5844), Казахстана (5615) и Узбекистана (5379 чел.); в СФО пода-

вляющее число мигрантов из стран СНГ — граждане Казахстана (14 641 чел.), далее представлены мигранты из Киргизии (7272), Таджикистана (6878) и Узбекистана (5895 чел.); в ДВФО основной приток мигрантов стран СНГ — из Узбекистана — 6883 чел.

При этом граждане Украины преимущественно следовали в Тюменскую область (6368 чел., 12,9% всех прибывших в Россию граждан Украины), Московскую область (5524 чел., 11,2%), Москву (4761, 9,6%) и в ЯНАО (4543, 9,2%). Мигранты из Узбекистана следовали в Санкт-Петербург (10 992 чел., 12,5%), Ленинградскую область (6694, 7,6%), Тамбовскую (5047, 5,7%), Московскую (4631, 5,2%) и Тюменскую (4234 чел., 4,8%) области. Граждане Туркмении — в Санкт-Петербург (753 чел., 13,8%) и Московскую область (708, 13,0%). Таджикистана — в Тюменскую область (4693, 11,3%) и Санкт-Петербург (3192, 7,7%), Молдавии — в Московскую область (5234 человека, 35,8%), Киргизии — в Тюменскую (3125, 9,03%) и Новосибирскую (2381, 6,9%) области, Казахстана — в Новосибирскую (4946, 10,9%) и Омскую (3357, 7,4%) области и Алтайский край (2750, 6,04%). Мигранты из Белоруссии в большинстве случаев направляются в Смоленскую область (4465 чел., 2,7%) или Санкт-Петербург (3495, 21,1%), Армении — в Краснодарский край (2976, 8,05%), Московскую область (2854, 7,7%) или Ставропольский край (2777, 7,5%), Азербайджана — в Тюменскую область (1870, 8,4%), Москву (1169, 5,2%) и Красноярский край (1083, 4,9%).

В целом же самыми популярными среди мигрантов из стран СНГ являются три субъекта Российской Федерации. Это Санкт-Петербург, принявший в 2012 г. 28 449 чел., или 7,8% из всех прибывших из стран СНГ, Тюменская область (26 536 чел., 7,3%) и Московская область (25 503 чел., или 7,0% от всех прибывших в Россию граждан СНГ).

Постановка на учет иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации предполагает указание цели виза в страну, среди которых фиксируется в т.ч. и «транзит». В соответствии с законодательством Российской Федерации иностранный гражданин при въезде в Российскую Федерацию обязан получить и заполнить бланк миграционной карты, и в качестве цели въезда в миграционной карте может быть указано: служебный визит, туризм, коммерческий визит, учеба, работа, частный визит, транзит. Доля граждан, указавших транзитный характер собственной миграции, невелика и не превышает 2% в общем числе мигрантов. Так, за период последних десяти лет: в 2007 г. 2,3% мигрантов (530 808 чел.) указали в качестве причины въезда в России транзит, в 2008 г. — 1,6% (382 761), в 2009-м 1,3% (282 368), в 2010-м — 1,2% (271 028), в 2011-м — 1,2% (310 149), в 2012-м — 1,21% (317 654), в 2013-м — 1,06% (328 316), в 2014-м — 1,13% (367 557), в 2015-м — 1,3% (444 862) и в 2016 г. 1,2% въехавших в Российскую Федерацию мигрантов (387 646 чел.) указали причину въезда «транзит».

Что касается страновой структуры транзита, то 1,6% от всех прибывших из стран СНГ (343 220 чел. из 21 131 78 чел.) прибыли в Россию с целью транзита. Из них: мигранты, следующие транзитом, — 1,3% из всех прибывших из Азербайджана, 1,9% — Армении, 14,8% — Беларуси, 1,8% — Казахстана, 0,7% — Киргизии,

1,4% — Молдовы, 0,7% — Таджикистана, 0,2% — Туркмении, 0,8% — Узбекистана, 1,5% — Украины. Среди иностранных граждан из стран зарубежья, прибывших в Россию в 2016 г., 0,4% следовали транзитом.

Самые «свежие» данные о миграционном оттоке из субъектов Российской Федерации в страны СНГ доступны только по состоянию на 2012 г.

В 2012 г. из России в страны СНГ выбыло 95 572 чел., из них самая в численном отношении большая группа мигрантов выбыла в Узбекистан (31 559), Украину (12 416), Киргизию (10 489), Таджикистан (10 281) и Казахстан (8 843), существенно меньшие потоки мигрантов — в два раза меньше в абсолютных цифрах направляются из России в Азербайджан (4185), Молдову (4949) и Армению (4980). Заметим, что условно возвратный характер (на основе сопоставления статистики прибывших из конкретной страны и выбывших в нее в течение года) миграция носит примерно в трети случаев. Хотя представленное сравнение носит не совсем корректный характер (неизвестно, возвращаются ли, например, в Украину, прибывшие из нее в Россию или в Украину мигрируют граждане других государств, в т.ч. и Российской Федерации, и как давно находятся на территории Российской Федерации эти мигранты, и характер миграции — возвратный или транзитный), тем не менее оно дает представление об объемах мигрантских групп, остающихся на территории Российской Федерации, и косвенно приводит к выводу о том, что практически две трети граждан СНГ, прибывающих на территорию Российской Федерации, составляют потенциал транзита, желаемого или реально воплощаемого на последующих шагах миграции за пределы стран Содружества Независимых Государств.

Заключение

На основе статистического анализа показателей миграционного прироста за счет обмена регионов России со странами СНГ можно выделить группы регионов, пользующихся разной привлекательностью для мигрантов. Так, в первую группу регионов, отличающихся в рассматриваемом контексте наибольшей привлекательностью, вошли четыре субъекта Российской Федерации, показатели миграционного прироста в которых имеют максимальные значения и превысили 12 тысяч человек: Московская и Тюменская области, Краснодарский край, Новосибирская область.

Полученные распределения наиболее популярных маршрутов движения мигрантов из стран СНГ в Российской Федерации, во-первых, косвенно подтверждают ранее сделанный вывод об этническом характере миграции граждан стран СНГ, а, во-вторых, поскольку существуют довольно хорошо представленные в численном отношении потоки мигрантов из определенной страны в конкретный данный регион России, то, возможно, следует более углубленно изучить вопросы наличия так называемых агентских сетей по содействию миграционным перемещениям на основе диапоральных связей мигрантов в стране пребывания, в т.ч. и криминального характера.

Постановка иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации не отражает реальных миграционных намерений перемещающихся граждан, поскольку часть мигрантов скрывают реальные цели своего посещения страны, желая облегчить себе пребывание на ее территории, или планируют использовать

нелегальные каналы и ресурсы миграции в западные (или другие) страны из-за отсутствия возможности законно пересечь их более жестко охраняемые и не для всех прозрачные границы. Кроме того, довольно существенная доля мигрантов, видимо, не имеет краткосрочных планов дальнейшей миграции, лишь мечтая о дальнейших перемещениях, или зачастую не имеет оформленных миграционных стратегий, да и просто не имеет достаточных ресурсов для дальнейшей миграции и остается в России на неопределённый срок с целью поиска средств финансового обеспечения следующей стадии транзита. Таким образом, транзит мигрантов из стран СНГ если имеет место, то срок перехода к следующему этапу миграции в абсолютном большинстве случаев произойдет позже, чем через десять дней (как это предусмотрено миграционным законодательством).

Вероятнее всего, в статистику «транзита» в данном случае включены те мигранты, которые определили конечный пункт своего «путешествия» и легально перемещаются по этапам транзита, либо речь идет о временном характере миграции (туризме, учебе, служебных и частных целях визита в третьи страны, следование в которые осуществляется через Россию). В таком случае траектория транзита будет определяться оптимальным сочетанием длительности / комфортности / цены маршрута и, возможно, дополнительными ознакомительными целями мигранта.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ № 28.2757.2017/4.6 «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция», 2017–2019.

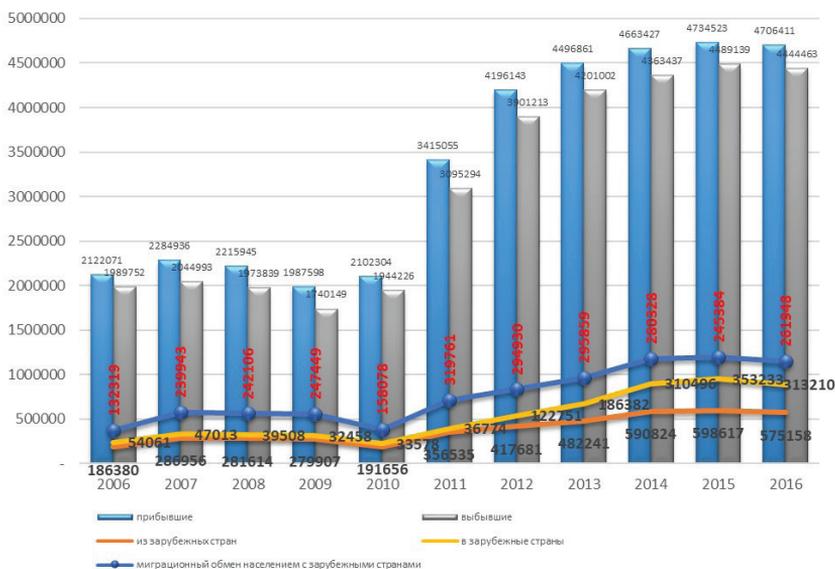

Рис. 1. Общие итоги миграции населения Российской Федерации за 2006–2016 гг., чел.

Источник: Росстат, визуализация выполнена авторами

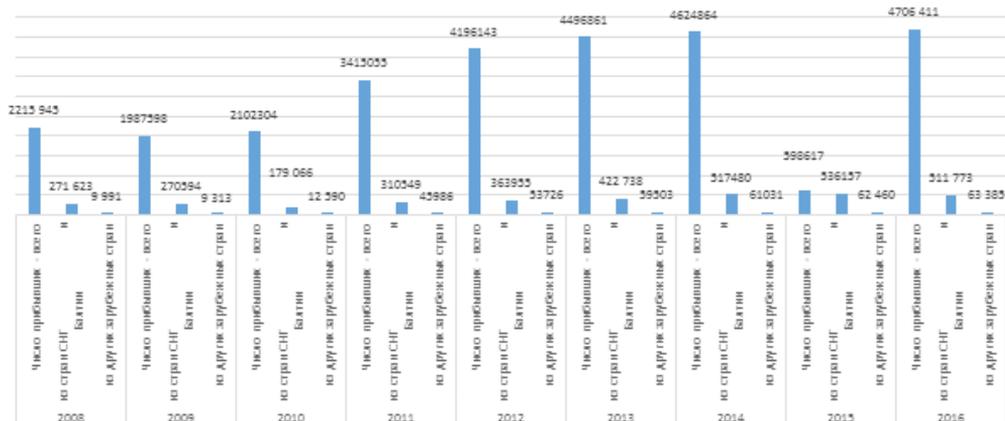

Рис. 2. Общие итоги миграции населения: число прибывших за 2006–2016 гг., чел.

Источник: Росстат, визуализация выполнена авторами

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Castagnone, E. Transit migration: a piece of the complex mobility puzzle. The case of Senegalese migration, Cahiers de l'Urmis [Online], 13 October 2011. Available at: <http://urmis.revues.org/927> (accessed June, 2018).

Düvell, F. Europäische und internationale Migration, Hamburg: Lit., 2006.

Düvell F., Pastore F., de Haas H. and Molodikova I. (2009). Доклад по итогам конференции основан на результатах исследований 26 экспертов из 10 стран. URL: http://www.compas.ox.ac.uk/events/past_conferences_events.shtml.

Farny, E.M. The Concept of Transit Migration. Contemporary migratory processes in the Saharan transition zone. An essay submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree Bachelor of Arts in Social and Cultural Anthropology. March 2014. Department of Social and Cultural Anthropology. University of Vienna.

Inter-Parliamentary Union. Migration and development. Geneva: IPU, 2005.

IOM. Transit Migration in Hungary. Geneva: IOM, 1994.

Papadopoulou, A. () Exploring the asylum-migration nexus: a case study of transit migrants in Europe. Global Migration Perspectives, 2005, No 23.

Papadopoulou-Kourkoulou A. Transit Migration. 2008. URL: <http://dx.doi.org/10.1057/9780230583801> (accessed June, 2018).

Radaev V. (2013) Does Competition Eliminate Social Ties?: The Case of the Russian Retail Market. Polish Sociological Review, 2013, 13-1, 63–86.

Roman H. Transit Migration in Egypt. CARIM research report. Florence: European University Institute, 2006.

UN/ECE. International Migration Bulletin, 1993, No 3.

Естественное движение населения Российской Федерации: бюллетень. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096846203 (июнь, 2018).

Численность и миграция населения Российской Федерации: бюллетень. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (июнь, 2018).

Данные Всероссийской переписи населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (июнь, 2018).

Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Суртаева О.В., Горбунова А.А., Морковкина А.Г., Авдеева Г.С. Гражданская и этническая идентичность населения приграничных регионов России: монография. — Барнаул: Изд-во: ООО «Типография Триада», 2016, 250 с.

Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования / под ред. И. Молодиковой, Ф. Дювеля. М., 2009.

Трофимова Т.И. Феномен транзитной миграции. Известия Иркутской государственной экономической академии, 2010, No 5(73).

REFERENCES

Castagnone, E. (2011) Transit migration: a piece of the complex mobility puzzle. The case of Senegalese migration, Cahiers de l'Urmis [Online], 13 October 2011. Available at: <http://urmis.revues.org/927> (accessed June, 2018).

Düvell, F. (2006) Europäische und internationale Migration, Hamburg: Lit.

Düvell F., Pastore F., de Haas H. and Molodikova I. (2009). Doklad po itogam konferencii osnovan na rezul'tatah issledovanij 26 ehkspertov iz 10 stran [The report on the results of the conference is based on the results of studies of 26 experts from 10 countries] Available at: http://www.compas.ox.ac.uk/events/past_conferences_events.shtml.

Farny, E.M. (2014). The Concept of Transit Migration. Contemporary migratory processes in the Saharan transition zone. An essay submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree Bachelor of Arts in Social and Cultural Anthropology. March 2014. Department of Social and Cultural Anthropology. University of Vienna.

Inter-Parliamentary Union (2005). Migration and development. Geneva: IPU.

ИОМ (1994). Transit Migration in Hungary. Geneva: ИОМ.

Papadopoulou, A. (2005) Exploring the asylum-migration nexus: a case study of transit migrants in Europe. Global Migration Perspectives, No. 23.

Papadopoulou-Kourkoula, A. (2008) Transit Migration. Available at: <http://dx.doi.org/10.1057/9780230583801> (accessed June, 2018).

Radaev, V. (2013) Does Competition Eliminate Social Ties?: The Case of the Russian Retail Market. Polish Sociological Review, 13-1, 63–86.

Roman H. (2006). Transit Migration in Egypt. CARIM research report. Florence: Europe-

an University Institute.

UN/ECE (1993). International Migration Bulletin, No 3.

Estestvennoe dvizhenie naseleniya Rossijskoj Federacii, Byulleten' [Natural movement of the population of the Russian Federation: bulletin] Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096846203 (accessed June, 2018).

CHislenost' i migraciya naseleniya Rossijskoj Federacii, Byulleten' [Number and migration of the population of the Russian Federation: bulletin] Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (accessed June, 2018).

Dannye Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 [Data of the All-Russian Population Census 2010] Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed June, 2018).

Maksimova S.G., Omel'chenko D.A., Noyanzina O.E., Goncharova N.P., Surtaeva O.V., Gorbunova A.A., Morkovkina A.G., Avdeeva G.S. (2016)/ *Grazhdanskaya i ehtnicheskaya identichnost' naseleniya prigranichnyh regionov Rossii: monografiya* [Civil and ethnic identity of the population of the border regions of Russia: monograph] Barnaul: Izd-vo: OOO «Tipografiya Triada». 250 s.

Tranzitnaya migraciya i tranzitnye strany: teoriya, praktika i politika regulirovaniya / pod red. I. Molodikovoj, F. Dyuvelya [Transit Migration and Transit Countries: Theory, Practice and Regulatory Policy / Ed. I. Molodikova, F. Duvel] M., 2009.

Trofimova, T.I. (2010) Fenomen tranzitnoj migracii [The phenomenon of transit migration]. *Izvestiya of the Irkutsk State Economic Academy*, No 5(73).